

Вырезка из газеты

ТРУД

от 15 СЕН. 1974

г. Москва

Г.ета №

Их три у Олега Табакова. Три новые роли в трех спектаклях «Современника». Это три отрицательные роли. Герои Табакова достойны осуждения. Их осуждают драматурги, театр, зрители. Их осуждает сам актер. И делает это всякий раз по-иному. Но всякий раз поистине талантливо...

Удивительные это были глаза! Такие пустые, такие мутные, что, кажется, никогда, ни разу в жизни в них не было даже намека на мысль, вообще ничего человеческого не было. Только одно желание — опохмелиться... Сидит человек на раскладушке, уставился в пространство вот этими умопомрачительно пустыми

тителен — а сам он себя уважает. Сатирическое мастерство Табакова в этой роли великолепно — он не щадит своего героя, высмеивает его, издевается над ним, но в то же время сохраняет объективность.

Согласно мнению и взглядам Анчугина человек, предлагающий незнакомым крупную сумму, — или бандит или еще хуже. Почему? Да потому, что сам Анчугин ни в жизнь такого себе не позволит. А раз он не позволит, а другой позволяет — значит, этот другой нехороший человек, и нужно его передать в руки властей. И вот двое неопохмелившихся алкоголиков (тут есть еще экспедитор Угаров) набрасываются

урядность в сочетании с самодовольством — в этом Табаков открывает психологические корни фашизма. Да-да, именно фашизма, ибо Рик с его привычкой повиноваться по первому слову возьмет в руки автомат и будет стрелять, куда прикажут. Своего брата Дэвида, вернувшегося из Вьетнама с незаживающей раной, оставленной в его душе войной, Рик поначалу просто не понимает — не сам же он туда отправился, был приказ, значит нечего терзаться. А потом душевные муки Дэвида начинают раздражать Рика, в поведении брата он смутно чувствует укор себе и таким, как он, — самодовольным, покорным и равнодушным. И именно Рик спокойно, серьезно и решительно — «как брат брату» — советует в финале Дэвиду... покончить с собой. Тут вся семья едина, все помогают Дэвиду совершить самоубийство, но самый активный, деятельный и хлопотливый — Рик. И снова Табаков остается объективным, снова до поры до времени не торопится обличать. Персонаж раскрывается как бы сам собой, актер не подсказывает зрителю, что Рик достоин ненависти — зритель убеждается в этом сам, сам распознает в этом сытом и жизнерадостном парне то, что Михаил Ромм назвал обыкновенным фашизмом.

Для Табакова такой рисунок роли нов и неожидан. Он любит эксцентрики, яркие краски, острые детали, но в данном случае материал роли потребовал вот такого внешне спокойного исследования характера. Страсть и гнев художника закованы в строгие рамки, оттого еще крупнее обобщение, суровее приговор.

А если вы хотите увидеть совершенно другого Табакова — озорного, цедрого на выдумку, — посмотрите его Балалайкина в спектакле «Балалайкин и К°» (это сценический вариант «Современной идиллии» Салтыкова-Щедрина). На сцене «Современника» Табакову не удалось сыграть одну из любимых своих ролей — Хлестакова в «Ревизоре». Так вот в Балалайкине он сыграл его, однако не только его. Что Хлестаков — нечаянный враль без царя в голове — перед этим подвижным человечком, который за тысячу станет двоеженцем — только мигните! Оба врут почем зря, но и тут разница — Хлестаков врет нерасчетливо и вдохновенно, сам не зная, что из его вранья может получиться, а Балалайкин, увлекаемый в неведомую даль собственным словоблудием, все время настоже: а вдруг из этого потока, из напромождения чепухи и нелепостей вынырнет... ну, не идея, даже не мысль, а что-то такое, что можно обратить в наличные.

При всем разнообразии сатирических красок в этих ролях он — отнюдь не единственные на актерской палитре Олега Табакова. Недавно он сыграл Рафаэля Валентина в телефильме «Шаргневая кожа», на телевидении прочитал «Конька-Горбунка». Ясно, что сатира — один из любимейших его жанров, но ясно и то, что от него можно ждать актерских открытий в любом жанре.

Ю. СМЕЛКОВ.

ТРИ РОЛИ ОЛЕГА ТАБАКОВА

гляделками — смотреть на него смешно, но и жутковато в то же время.

Это шофер Анчугин, сыгранный Олегом Табаковым на сцене «Современника» в пьесе «Двадцать минут с ангелом», одним из двух «провинциальных анекдотов» Александра Вампилова. Знакомимся мы с ним в тот момент, когда драматург обрушивает на его ослабевшую от пьянства голову тяжелое испытание. Судите сами — человек на все, кроме разве преступления, готов, чтобы раздобыть, выпросить, выклянчить трешку опохмелиться, и тут первый встречный, совершенно незнакомый парень предлагает ему сто рублей и даже не настаивает на их возвращении.

Выдержать такое испытание Анчугину явно не под силу. И дело не только в том, что мозг его затуманен алкоголем — просто парень ему абсолютно непонятен. Вот скрипач из соседнего номера, отказавшийся выдать трешку, понятен. И как обращаться с ним — тоже ясно: обругать и сказать, что музыка, которую исполняет скрипач, ему, Анчугину, не нравится. По принципу «сам дурак». А человек, вот так запросто вынимающий из кармана сотню, Анчугину... подозрителен.

Логика характера, созданного Вампиловым, парадоксальна, но точна. Табаков находит этому парадоксу свое, актерское объяснение. Его Анчугин уважает себя. Уважает свои мнения и взгляды на жизнь, свои запросы и потребности, включая и потребность опохмелиться. Ходит по сцене такой вот человек с пустыми глазами, нам отлично видно, как он ничтожен, хамоват и отвра-

на парня и старательно, пыхтя от усердия, прикручивают его полотенцами к стулу. А потом удовлетворенно озирают плоды своих трудов.

Далее происходит нечто почти необъяснимое — окружающие, вполне нормальные и трезвые люди, соглашаются с этими неопохмелившимися, что парень и в самом деле не внушает доверия. Почему? Да именно потому, что Анчугин абсолютно уверен в себе и его уверенность как бы гипнотизирует других. Они начинают смотреть на парня глазами того самого Анчугина, которого в грош не ставят.

Я так подробно пишу об Анчугине не только потому, что это одна из лучших новых ролей Олега Табакова — в ней, на мой взгляд, наиболее наглядно проявляется сатирическая сторона его таланта. Актер, высмеивая, обличая своего героя, одновременно объясняет его. Он не только делает своих персонажей узнаваемыми, «как в жизни», он не ограничивается сходством, а добирается до сути, до корня, из которого вырастают свойства и качества, подлежащие осмеянию и обличению.

Еще один отрицательный герой Табакова — Рик в пьесе американца Д. Райба «Как брат брату». Этот парень вряд ли когда-нибудь о чем-нибудь серьезном задумывался, он просто принимает жизнь такой, как она есть: надо учить уроки — учит, полагается почитать родителей — почитает. Вначале может показаться, что актер относится к своему персонажу в общем-то довольно спокойно, но постепенно он показывает нам глубочайшую, я бы даже сказал, воинствующую заурядность этого вроде бы добродушного парня. За-